

Глава 3. Чёрная роза 02

Чэнь Шаньвань не стал углубляться в эту мысль.

Иногда вовсе не обязательно, чтобы случилось нечто странное, однако, чем больше думаешь, тем сильнее ощущаешь неладное.

Страх человека чаще всего рождается из него самого.

Чэнь Шаньвань опустил голову и продолжил есть. Рёбрышки из холодильника были очень свежими, поэтому приготовленные в кисло-сладком соусе они получились особенно вкусными.

Он лишь слегка обжарил их, потом обвалял мясо в крахмале, и текстура получилась удивительно нежной.

Чэнь Шаньвань вырос в детском доме. Поступить в университет он смог только благодаря стипендии и подработкам, после чего смог снять жильё. Каждый месяц он переводил в детдом несколько сотен юаней.

Немного конечно, но ведь и получал он мало, а ещё надо было оставлять что-то на собственные нужды.

Но даже эти несколько сотен были выражением благодарности, первым шагом в сторону оплаты за заботу, что ему дарили в детдоме.

Когда-нибудь, когда он разбогатеет, будет переводить больше.

В общежитии при университете можно было жить только во время учёбы, поэтому на каникулах Чэнь Шаньвань или искал временные места с проживанием, или снимал посуточное жильё. Готовить всегда приходилось самому.

Вот так его кулинарные навыки постепенно и выросли. Да и вообще, он не из «убийц кухни», он с детства быстро учился и схватывал всё налету. Приготовление пищи не стало исключением.

Поев, Чэнь Шаньвань некоторое время ждал, что тарелки и приборы уберут, но этого не произошло. Он задумался и ему вспомнилось, что Юй Синь говорила, про психически больного

человека, живущего наверху, и у которого раньше бывали приступы агрессии.

С психически больными Чэнь Шаньвань был немного знаком и знал, что у многих из них проявляется склонность к членовредительству. Поэтому он слегка встревожился.

Подумав, он написал сообщение Юй Синь.

Ответа не последовало, наверное, она была занята.

Тогда он решил, что, вероятно, просто слишком накручивает себя.

Ведь если человек решит причинить себе вред, для этого вовсе не обязательно держать в руках осколки фарфора, способов хватает. Раз позволили держать его одного на третьем этаже, значит, опасности он не представляет.

Успокоив себя, Чэнь Шаньвань оставил цветы в столовой и поднялся наверх принимать душ.

День выдался жаркий, в разгар лета даже его организм, склонный к холоду и плохо переносящий прохладу, вспотел по дороге. Поэтому он сразу вымыл и голову.

Шум воды эхом отражался от стен ванной. Он с детства привык к душу, так как в детдоме не было ванн, и в больших купальнях он чувствовал себя неудобно.

Волосы у Чэнь Шаньваня были немного длинноваты, намокшие пряди падали на лоб, частично закрывая глаза, а кончики липли к шее. Чёрное и белое переплетались.

Здоровье у него с рождения было неважное. Но в государственном детдоме имелось одно преимущество, пока он не покинул учреждение, за счёт государства проводились ежегодные полные обследования. А если ребёнок с инвалидностью, то даже после совершеннолетия обследования оставались бесплатными.

Серьёзных болезней у Чэнь Шаньваня не было обнаружено, но организм всё равно оставался слабым.

Поэтому его фигура выглядела худощавой, а мышцы на животе скорее напоминали о недостатке жира, чем о накачанности.

Но это не значило, что он слаб до невозможности, у него было достаточно сил, как для взрослого мужчины.

На пояснице, чуть ниже позвоночника, ближе к подвздошной кости, у него шли в ряд три

родинки алого цвета. Они тянулись вертикально в ложбинке и напоминали странную печать. Или же, словно яркие красные сливы, расцветшие на снегу, невозможно было отвести от них взгляд. Это придавало телу Чэнь Шаньваня загадочную притягательность, как если бы на белом нефрите вкрапили три зерна красного сердолика.

Тонкая белая пена уходила в слив, и, сам того не замечая, он словно поливал ею розовые поля, окружавшие виллу.

Ночь стояла ясная, луна светила ярко, и чёрные розы под этим светом тихо сияли, словно их лепестки впитывали серебро.

В глубине зарослей шевелились колючие стебли, издавая сухой шорох, словно сквозь траву пробиралась змея. Всё новые чёрные розы появлялись из ниоткуда, распускались, и некогда свободные пространства сада стремительно превращались в тесные заросли.

С тех пор как он поднялся сюда, то странное чувство чужого взгляда пропало, и Чэнь Шаньвань перестал заострять на этом внимание. Он лишь подумал, что всё дело было в кукле, стоявшей в шкафчике напротив кухонного островка. Слишком уж жутко она выглядела.

По натуре он был смелым человеком и спокойно смотрел ужастики. Чэнь Шаньвань во всю эту чушь не верил, век науки как никак на дворе.

Выйдя из душа, он низко опустил голову, вытирая полотенцем мокрые волосы одной рукой, а в другой держал телефон. Он проверил сообщения, но Юй Синь так и не ответила. Зато пришло письмо от директора детдома. Он первым делом ответил ей.

Директор поинтересовалась, как у него дела на новой подработке.

Про то, что работает «домоправителем» в чужом доме, он умолчал.

Директор была уже в возрасте, и Чэнь Шаньвань знал, что она сочла бы такое крайне небезопасным делом. Особенно учитывая его внешность. Он был настолько красив, что в детстве потенциальные приёмные родители сразу из всех его выделяли. Даже директор побаивалась отдавать его в чужую семью.

Хотя государство и устанавливало минимальный возрастной разрыв при усыновлении, но извращенцев на свете хватает, и никакой закон не защитит от всех.

В итоге условия усыновления Чэнь Шаньваня были слишком жёсткими, они включали еженедельные визиты социальных служб и постоянный надзор, что отпугивало людей. Так он и остался в детдоме.

Сам Чэнь Шаньвань не переживал. Он считал, что и там вырос неплохо.

Директор была для него как родная мать.

А дети из детдома — пусть и случались ссоры, но в основном все они были с инвалидностью, и Чэнь Шаньвань, будь то младшие или старшие, всегда старался уступать им и помогал «маме» заботиться о них.

Потому что они тоже были его семьёй.

Чэнь Шаньвань сказал директору приюта, что его новый подработка — преподаватель в подготовительных классах с проживанием и питанием.

Он врал, и глазом не моргнув глазом, без запинок подбирая слова, что шло вразрез с его безобидной внешностью.

Перекинувшись с директором парой фраз, Чэнь Шаньвань убрал телефон, у неё и без того было полно дел.

Он думал, что времени ещё не так много и он успеет перед сном сделать задания на лето. Но издалека донёлся тонкий скрип.

Он замер, похоже, это «кухонный лифт». Он не был уверен, что это вернули посуду с верхнего этажа, поэтому всё же поднялся и спустился вниз.

Капли воды с мокрых волос медленно собирались и, не издавая ни звука, скатывались по затылку Чэнь Шаньваня, понемногу намочив ворот.

Кожа у него была очень белая. Стоя спиной к чёрной розе на обеденном столе, он вновь ощутил то липкое чувство, словно за ним кто-то неотрывно наблюдает.

Он опустил голову и, неосознанно, слегка почесал зудящий затылок.

Выступающий остистый отросток позвоночника тронула бледная царапина, несколько лёгких следов делали его и без того тонкую шею ещё более хрупкой. Ветер за окном резко прекратился, ползущие колючие заросли снаружи застыли, и чёрные розы в холодном лунном свете казались зловещими и опасными.

То ли подул нечистый ветер, но все цветы повернули свои чашечки к Чэнь Шаньваню.

Жаль, днём он плотно задёрнул шторы, так что ни изнутри, ни снаружи нельзя было ничего разглядеть, он не видел странного шевеления в саду.

Ничего не подозревая, он протянул руку и взял с платформы карточку. Почерк был мощный и хлесткий, видно, что человек занимался каллиграфией.

Скажем честно, всё это совсем не вязалось с представлениями Чэнь Шаньваня о психически больных.

— До сих пор я так и не заметил, что с ним «не так». — подумал он.

[Я немного проголодался, не могли бы вы приготовить перекус?]

Чэнь Шаньвань взглянул на водонепроницаемые часы на кожаном ремешке на запястье.

Восемь ноль одна. С ужина прошло почти три часа.

Неужели он отправил наверх слишком мало еды?

Он чуть поморщился от досады. Он рассчитывал порцию по себе... Считая, что ест как среднестатистический студент-юноша, он подумал, что господин наверху ест примерно столько же, раз не сильно много двигается.

Эх.

Надо было сначала спросить. Непрофессионально вышло.

К счастью, его ни в чём не упрекали, не только цветок прислали, но и вежливо попросили.

Он поставил в вазу аккуратно подрезанную, опрыснутую водяной дымкой розу, затем огляделся и в выдвижном ящике нашёл тяжёлую, недешёвую на вид, серебристо-чёрную перьевую ручку, с белыми крошечными «бриллиантами». Бог знает настоящими или нет, так что откручивал колпачок он очень осторожно.

На миг даже мелькнула мысль, не подняться ли за своей, оптом купленной, но всё-таки написал на карточке этой:

[Что бы вы хотели?]

Кухонный лифт увёз карточку наверх, со скрипом остановившись на третьем этаже.

Но в этот раз платформа не опустилась сразу.

Рука в чёрной кожаной перчатке взяла карточку, поднесла к носу, почти такого же белого цвета, как и картонка, и последовал лёгкий вдох.

Неуловимый лёгкий аромат, смешанный с особым, присущим телу запахом, с ноткой влаги, был одурманивающим и самым коварным в мире.

В чёрных зрачках постепенно густела алчная жадность, безумная, одержимая любовь налилась до предела, словно готовая расплескаться волной похоти.

Ярко-алые тонкие губы снова и снова ласкали те пять слов, написанные на карточке. В воображении стояли: белая, как нефрит, шея юноши, мелькнувшая, когда тот склонял голову; лёгкие царапины, оставленные собственной рукой юноши; струйки воды, змейкой бегущие вниз...

В комнате отчётливо прозвучало громкое сглатывание и воздух снаружи стал почти осязаем.

Красивый.

Подумал «Он».

Его человек — красив.

Столь красив, что «он» почувствовал, будто в животе была бездонная яма, которую не заполнить никакой пищей.

Но это естественно, ведь даже если те продукты побывали в руках Чэнь Шаньваня, — это всё равно лишь мимолётное прикосновение.

Не то, что принадлежит Чэнь Шаньваню, не то, что исходит от Чэнь Шаньваня. Для «него» это было, как пить яд от жажды, лишь сильнее станет томление, сильнее будет жечь изнутри.

Но ничего.

Радостно подумал «Он» и на бледном, испещрённом трещинами лице, будто осколки фарфора, склеенные клеем, проступила неестественная, болезненная нежность.

Скоро «он» сможет съесть его.

Слово автору:

Ы-и—

<http://bllate.org/book/12897/1133575>